

УДК 001

К вопросу о культурной обусловленности и потенциальной изменчивости социальных ценностей

Кротовская Наталия Георгиевна

Научный сотрудник, сектор истории антропологических учений,
Институт философии РАН,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Кулагина-Ярцева Валентина Сергеевна

Научный сотрудник, сектор истории антропологических учений,
Институт философии РАН,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: yartseva41@mail.ru

Аннотация

Как самостоятельная философская наука аксиология появилась лишь в конце девятнадцатого века. Решающее значение в утверждении места ценностного сознания в культуре, по мнению М. Хайдеггера, имела философия Ф. Ницше. Ценности определяют качественные характеристики данного общества и его культурную специфику. Каждое новое поколение входит в наследие предыдущих поколений и добавляет в него что-то новое, но в соответствии с уже заложенными ценностями. В первой части статьи рассматриваются взгляды современных ученых (Р.С. Хартман, М. Кайзер и др.) на особенности и задачи науки о ценностях. Вторая часть посвящена рассмотрению такой глобальной ценности, как достойный труд, трансформации отношения к нему на разных этапах развития общества. Фундаментальные принципы в сфере труда всегда соответствуют духовным установкам общества. Реализация этих принципов не должна сводиться к нормативным аспектам, но соответствовать основным представлениям общества. Такой подход мог бы послужить основой для исследования, посвященного не столько достижению консенсуса, сколько изучению того, как те или иные аспекты понятия «достойный труд» воспринимаются представителями разных традиций. Препятствия на пути к реализации ценности достойного труда многочисленны. Они возникают как внутри самого общества, склонного придерживаться своих культурных установок, так и из-за требований глобальной экономики. Однако опыт разных стран показывает, что даже самые спорные вопросы решаются посредством диалога и участия. Желательно, чтобы общество не только прислушивалось к своим этическим нормам, но и делилось ими с миром.

Для цитирования в научных исследованиях

Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. К вопросу о культурной обусловленности и потенциальной изменчивости социальных ценностей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 7А. С. 183-210.

Ключевые слова

Теория ценностей, профиль ценностей, ценностные ландшафты, эмпирические исследования, культурные различия, достойный труд, традиционные ценности, глобальная этика, конфликт ценностей, холистический подход.

Введение. Предыстория аксиологии

Аксиология (от *axio* — ценность, *logos* — слово, учение) — один из самых молодых разделов философии. Как самостоятельная философская наука аксиология появилась лишь в конце девятнадцатого века. Разумеется, суждения о различных видах ценностей — о благе, добре, красоте, святости и т. п. — мы встречаем и у классиков античной философии, и у теологов средневековья, и у ренессансных мыслителей, и у философов Нового времени, однако обобщающего представления о ценности как таковой и соответственно о закономерности ее проявления в различных конкретных формах в философии не наблюдалось до середины девятнадцатого века.

Решающее значение в утверждении места ценностного сознания в культуре, по мнению М. Хайдеггера, имела философия Ф. Ницше: «Идея ценности в метафизике пришла к господству ... решительно только через Ницше» [Хайдеггер, 1993, 69], поскольку создатель образа Заратустры само бытие трактовал в конечном счете не как объективную реальность, а как ценность: «Через оценку впервые является ценность; и без оценки был бы пуст орех бытия» [Ницше, www...].

Культурные ценности формируются в конкретном сообществе, а не у отдельно взятого человека. Любой член данного сообщества сталкивается с этими ценностями и может выработать индивидуальное отношение к ним. Открытие ценностей и их анализ является определяющей характеристикой свободной, мыслящей и активной личности. В культуре любого общества есть ценности, относительно которых существует общее согласие; они составляют основу его идентичности; на них ориентируются действия социальных институтов и индивидов; они создают стимулирующую среду; их реализация скрепляет общество; они объединяют то, что разрозненно, и универсализируют то, что индивидуально и временно.

Ценности определяют качественные характеристики данного общества и его культурную специфику. В любой культуре индивиды стремятся к самореализации, но это всегда происходит в социальном контексте. Благодаря тому, что культура всегда имеет как социальный, так и индивидуальный характер, социальная группа сохраняет культуру и в то же время развивает ее. Каждое новое поколение входит в наследие предыдущих поколений и добавляет в него что-то новое, но в соответствии с уже заложенными ценностями. Материальные продукты и модели поведения подвержены постоянным изменениям, многие из них забываются, однако ценности, лежащие в основе их формирования, остаются и продолжают стимулировать новые действия. Это означает, что культура -- это социальное послание и плод коллективного творчества, требующий от человека усилий по соблюдению того, что уже было признано ценным для человека и общества, но в то же время создающий нечто новое, находящееся в тесной взаимосвязи с существующим наследием.

Роберт Ш. Хартман и его вклад в аксиологию

Роберт Ш. Хартман (1910 – 1973), отец современной науки о ценностях, аксиологии, заметил, что мы «превратили наш мир в парадокс: вокруг нас кружатся искусственные

спутники, а в глубине души мы застыли от страха перед космическим взрывом». Непосредственно испытав на себе ужасающие результаты морального разложения нацистской Германии, доктор Хартман посвятил свою жизнь открытию науки, которая упорядочивает моральные решения.

Жизненный путь Хартмана – бегство из Германии в 1933 г. после захвата власти Гитлером, скитания по Европе и, наконец, получение в 1946 году докторской степени по философии в Северо-Западном Университете штата Иллинойс. Зверства нацистов были причиной того, что Роберт Ш. Хартман вторую половину жизни полностью посвятил исследованию Добра.

Хартман хотел разработать формальное понятие Добра, чтобы вывести морально-этические мысли и действия человека на более высокий, точный уровень. Таким образом, он хотел, чтобы Добро укрепилось и могло противостоять Злу.

Владея несколькими языками и диалектами, доктор Хартман собрал примеры значения слова «добро». Он изучал эти случаи, чтобы найти сходства и различия. Он изучал теории и системы ценностей от Платона до наших дней. Проанализировал естественные науки, чтобы понять, что позволило сделать научные открытия в мире природы.

Хартман говорил: *“I thought to myself, if evil can be organized so efficiently, why cannot good? I decided I would try to find out why and devote my life to doing something about it.”* «Я подумал, если зло может быть так эффективно, почему не может быть добро? Я решил попробовать выяснить, почему, и посвятил свою жизнь тому, чтобы что-то для этого сделать».

При этом главным для Хартмана всегда оставался человек: *“People are more important than things or ideas, including ideas about people or things.”* – «Люди важнее вещей или идей, включая идеи относительно людей или вещей»

Его главный труд -- «Структура ценностей» (*The Structure of Value*). Другой важной работой является его «Познание добра» (*The knowledge of Good*) -- подробное исследование всех философских дискуссий о добре и о том, какие пробелы существуют в полной философии ценностей. Хартман показывает, как его теория формальных ценностей заполняет эти пробелы.

В работе «Структура ценностей» Хартман вывел три «измерения ценностей»: внутреннее (человеческое), обусловленное внешними обстоятельствами (объективное) и системное (формальное) измерение. Сочетание данных измерений позволяет представить в математических формулах, базирующихся на учении о ценностях, не только обыденные понятия, но и сложные взаимодействия и ситуации. Измерения ценностей могут быть представлены математически. Таким образом, становится возможным точно измерить или разграничить между собой ценности и оценки. Следовательно, оценивание с точки зрения «хорошо» или «плохо» осуществимо.

По словам ученого, «ценность» должна появляться на трех уровнях: на уровне чистой теории (формальная ценность), на уровне ценностной ситуации (феноменальная или ситуативная ценность), и комбинация обоих (аксиологическая или научная ценность) [Hartman, 1967, с. 17].

На высшем уровне, уровне ценности (или «стоимости»), находятся формальные аксиологические особенности: определение ценности в целом и в частности; определение таких аксиологических терминов, как «совершенный», «хороший», «уникальный», «плохой», «справедливый», «нехороший», «хороший», «уникальный», «плохой», «справедливый», «нехороший» и их взаимосвязь; объяснение логического использования этих терминов; определение ценностных отношений, таких как «лучше», «хуже», «хорошо для», «плохо для», «лучше для», «хуже для», «хорошо, что», «должно»; определение структуры аксиологических

предложений и суждений; истинные значения аксиологических предложений; измерение ценности; различие языков ценностей; иерархия ценностей; исчисление ценности; правила оценки как прикладная аксиология; универсальность или частность ценности; ее абсолютность или относительность; ее рациональность или иррациональность; объективность или субъективность; природа ценностного мира, его добро или зло; природа морального закона [Hartman, 1967, 108].

Здесь можно было бы найти ответы на такие вопросы, как: Почему я должен быть хорошим? Лучше ли быть хорошим, чем плохим? Можно ли представить себе, что лучше быть плохим, чем хорошим? Должно ли хорошее существовать? Должно ли то, что есть, быть хорошим? Лучше ли лучшее, чем хорошее? Если хорошее должно существовать, то как быть с лучшим? Неужели совершенное лучше хорошего? Совершенное лучше лучшего?

Должно ли то, что есть, быть совершенным? Если совершенное должно быть, должно ли оно не быть хорошим? Достаточно ли хорошего? Является ли лучшее совершенным? Является ли совершенное хуже, а не лучше хорошего? Существует ли вообще добро? Все ли хорошее относительно? В чем ценность ценности? Какова ценность факта? Существует ли ценность? и т. д.

На втором уровне -- чистой или теоретической аксиологии, то есть определения и взаимосвязи конкретных ценностей (эстетических и экономических, этических и психологических, метафизических и технологических), они должны быть точно разграничены -- тем самым показывая, что натуралистическое заблуждение относится только к философии ценностей, а не к науке о ценностях, -- и систематически взаимосвязаны в рамках последовательного паттерна ценностной логики, соизмеримого с чистой аксиологией.

К этому уровню, пишет Р. Хартман, относятся взаимосвязи между различными науками о ценностях, а также ценностные аспекты естественных наук, например, связь между музыкой и астрономией у Пифагора, между теологией и химией в алхимии, слияние этики с другими науками, синтез наук и их предметов, такие утверждения, как «Быть хорошим -- значит исполнять волю Бога», «Быть хорошим -- значит быть предпочтительным», «Быть хорошим -- значит чувствовать себя удовлетворенным», сюда же входят ценностная природа метафизики Лейбница или Спинозы, психология Маслоу или Фромма, ценностная природа теории ценностей и т. д. Все это -- специфика чистой аксиологии, чистой специфики ценности или специфики чистой ценности: теоретическая специфика [Hartman, 1967, с. 108].

На феноменальном уровне оценки находится применение различных конкретных значений к соответствующим феноменальным полям. Здесь мы имеем феномены экономики и эстетики, этики и теологии и т. д. Это материальная или феноменальная специфика оценки, представляющая собой применение чистых ценностей к соответствующим феноменальным полям. Сама логика ценности не может быть применена непосредственно к оценке.

Логика ценности, таким образом, может быть применена к феномену ценности только через посредство чистой аксиологии. Областью приложения чистой аксиологии является мир ценностей. Он состоит из ценностных аргументов (ценностных утверждений, ценностных суждений) и ценностных ситуаций, всех материальных особенностей ценности.

Основание науки о ценности, таким образом, означает разрушение ценностной среды, в которой мы живем, нашей ценностной жизни, и ее реконструкцию в аксиоматической форме.

Описывая новую науку, Хартман прибегает к метафоре: «Создание системы -- это лишь структура, которая позволяет нам подняться на высокое плато. Перед нами теперь простирается новый горизонт. Формальная аксиология, чтобы быть подлинной наукой, должна быть

применима ко всей обширной панораме царства ценностей < ...> Перед нами стоит задача включать все больше и больше этических и моральных феноменов и систематически очерчивать новую сферу. Сама аксиологическая система, очерченная лишь в той мере, в какой она позволяет, чтобы мы могли достичь и распознать плато, должна быть разработана и расширена, превращаясь в точную сеть координат, широт и долгот, а также в точную систему координат широты и долготы новой территории. Сама территория должна систематически очерчиваться, исследоваться и возделываться. Границы между различными ценностными сферами - моральной, эстетической, религиозной, экономической и т. д. -- должны быть точно проведены. Внутри каждой сферы исследователь должен определить последние детали геологического, топологического, экологического, гидрологического плана. Все это должно прodelываться систематически и последовательно с использованием нового инструмента формальной аксиологии» [Hartman, 1967, 305-306].

Роберт Ш. Хартман формулирует основные положения книги следующим образом:

1. Существует различие между философией и аксиологией, которое заключается в методе, а не в содержании этих двух дисциплин.

2. Это различие является логическим, основанным на природе понятий, используемых в философии, и понятий используемых в аксиологии. Первые - это категории (абстрактные, имплицитивные и материальные понятия), вторые - аксиомы (построенные дедуктивные и формальные понятия). В первых интенция и расширение варьируются в обратном порядке; во вторых интенция и протяженность изменяются последовательно. Свойства вещей, соответствующие этому различию, называются соответственно, «вторичными» и «первичными» свойствами.

3. Натурфилософия исторически менялась, переходя от использования философских концепций к использованию научных концепций, в том смысле, который определен выше. В результате состоялся переход от натурфилософии к естествознанию, который основывается на различии между «фактами» вторичных свойств и «фактами» первичных свойств.

4. «Факт» появился на трех уровнях: на уровне чистой теории (формальный факт), на уровне наблюдения (феноменальный или ситуационный факт), и сочетания того и другого (научный факт).

5. Эти различия выявили методологические ошибки натурфилософии, а также алхимии и астрологии, в частности, смешение анализа и анализируемого (заблуждение метода), и слияние различных естественных наук (натуралистическое заблуждение).

6. Философия ценностей -- традиционная моральная философия -- должна пройти то же развитие, что и натурфилософия.

7. Такое развитие даст результаты, аналогичные тем, которые соответствующее развитие дало для фактов, а именно, различие между «ценностями» вторичных ценностных свойств и «ценностями» первичных ценностных свойств.

8. «Ценность» должна выступать на трех уровнях: на уровне чистой теории (формальная ценность), на уровне ценностной ситуации (феноменальная или ситуативная ценность), и комбинации обеих (аксиологическая или научная ценность).

9. Эти различия должны прояснить методологические лакуны, содержащиеся в этической философии, в частности путаницу между анализом и анализируемым, т.е. между формальной ценностью и феноменальной или ситуативной ценностью (заблуждение, связанное с ситуативной ценностью (заблуждение метода), а также путаницу между различными науками о морали, такими как путаница между различными науками о морали, такими

как этика, эстетика, экономика, психология, социология, теология, и т. д. (натуралистическое заблуждение).

10. Главной задачей современной научной аксиологии является развитие первого уровня -- чистой теории ценности, и определение формальной ценности [Hartman, 1967, с. 17].

Роберт Ш. Хартман занимался не только теорией, он был связан с миром бизнеса как консультант. Разработанная ученым наука формальной аксиологии дает ответы на наши вопросы о человеческих ценностях, дает ключ к пониманию нашей личности, самопознанию и пониманию других. Созданный Хартманом (совместно с Марио Карденасом Тригосом) «Профиль ценностей Хартмана» (Hartman Value Profile (HVP)) – это психометрический метод, метод по измерению ценностей, который охватывает личную систему ценностей субъекта и дает обоснованные выводы о его установках, личных качествах и, следовательно, о его поведении. Названные характеристики могут быть измерены с помощью двукратного ранжирования 18 высказываний. HVP предназначен для использования в подборе персонала, развитии персонала, а также в коучинге. HVP подтвержден многочисленными международными научными исследованиями. В последнее время применяется и в европейских странах.

Созданный в 1976 г. Институт Роберта Ш. Хартмана (Robert S. Hartman Institute) занимается изучением и применением формальной аксиологии, философии ценностей и этики, разработанной доктором Робертом Ш. Хартманом.

Теория ценностных ландшафтов Маттиаса Кайзера

В журнале «Humanities and Social Sciences Communications» в феврале 2024 г. вышла статья Маттиаса Кайзера «Идея теории ценностей и метафора ценностных ландшафтов». В ней, в частности, характеризуя теорию ценностей, М. Кайзер ссылается на Хартмана:

«Хорошая теория ценностей должна прояснить, как ее феномены могут быть связаны с ценностями и возможными эмпирическими данными. Хартман выражает эту идею в схожем ключе: «Эта концепция предполагает, что существуют ценностные феномены, что они образуют упорядоченный паттерн и что этот паттерн может быть отражен в теоретической структуре, теории ценностей или аксиологии» [Hartman, 2011, с. 3-4].

Маттиас Кайзер — почетный профессор Центра изучения естественных и гуманитарных наук (SVT) Бергенского университета. Он также является научным сотрудником Центра информированного будущего Кои Ту при Оклендском университете и главным редактором журнала *Springer Food Ethics*.

Специализируется в области философии науки, этики науки, оценки технологий и политической науки. Он обладает обширными знаниями и опытом в области методов практической этики, а также качественных и количественных методов исследования в социальных науках.

М. Кайзер признает, что разговоры о ценностях становятся все более популярными во многих сферах жизни, но утверждает, что они не подкреплены солидным научным вкладом или надежной теорией ценностей. Основу для данной статьи создают два исходных утверждения: (1) не существует общепринятой теории ценностей и (2) ценности, как известно, размыты.

Автор считает, что для решения сложных вопросов нашей современной жизни необходимо более глубокое понимание человеческих ценностей. Он утверждает, что эмпирическое исследование ценностей должно преодолеть несколько препятствий: ценности-как-трюизмы, веру в артикулированные ценности, веру в глубокие и скрытые ценности. Объединение

нескольких исследовательских методов может дать первые признаки того, что в статье называется ценностными ландшафтами. Концептуальная модель ценностей в этих ландшафтах должна быть многомерной.

Проблема: ценности в человеческой деятельности

Разговор о ценностях становится все более заметным как в различных академических дисциплинах, так и в политике. В обоих контекстах он предстает как сложный по своей сути вопрос, но имеющий фундаментальные последствия для того, что мы думаем, что мы делаем и как мы видим окружающий мир.

В статье говорится об оценочном использовании ценностей. Это объясняется тем, что ценности как оценочные термины имеют важные политические последствия в смысле хорошего управления, и что многие эмпирические дисциплины имеют в виду именно это использование, когда делают ценности предметом своих исследований. Кроме того, многие признают, что оценочное является частью нормативного, где нормативное понимается как касающееся того, что мы должны делать. Автор предпочитает говорить о «теории ценностей» и подразумевать под этим концептуальную схему, состоящую из онтологии и возможных отношений между этими объектами исследования. Отношения между этими фокусными точками и внешними объектами исследования, например, мотивами, предпочтениями, нормами, действиями, установками, составляют то, что в своих ранних работах М. Кайзер называл «феноменами» исследования.

Автор дает следующее определение ценностей: ценности -- это ориентиры для оценки чего-либо как положительного или отрицательного. Ценности часто рациональны и эмоционально связаны и дают долгосрочную ориентацию и мотивацию к действию.

Ценности в философском мышлении

В философской логике акцент делался на нормах, понимаемых как директивы, в то время как ценностные суждения рассматривались как неопределенные «за» или «против» позиций, не имеющие четкой связи с действием, даже если бы им был придан универсальный статус, из этого не следовало бы, что каждое из них должен быть реализовано любой ценой, учитывая, что в процесс реализации могут вмешиваться другие ценности. Таким образом, философская логика не имела никакого отношения к ценностям.

В современной философии, за исключением экологической этики, изучение ценностей как таковых, скорее всего, является нишевым занятием. В принципе, оно является частью теории рационального действия, которая легко отклоняется в теорию пользы (и теорию принятия решений, теорию игр). В экономике принято рассматривать анализ ценностей в соответствии с установками как нечто правильно желаемое, тем самым включая деонтический элемент в спецификацию ценностей.

Автор отмечает, что философский дискурс о ценностях в основном занят их деонтическими контекстами, ссылаясь на «Оксфордский справочник по теории ценностей», в котором подробно анализируются некоторые теоретические проблемы, например, вопрос о монизме и плюрализме ценностей.

Дискуссия о ценностях получила дальнейшее развитие благодаря изданию «Справочника по ценностям» [Brosch, Sander, 2015], целью которого стало более тщательное, к тому же

междисциплинарное, обсуждение ценностей, основанное на оценках, подразумеваемых в наших действиях. В этом справочнике используется термин, введенный ранее М. Кайзером, -- «ценностные ландшафты»:

«Таким образом, оценку можно рассматривать как результат «ценностного поля» с различными зонами притяжения и отталкивания, которые определяют ценность принятия решения для различных вариантов выбора ... Основные ценностные различия могут представлять собой различия в форме этого силового поля, которые определяют ценность принятия того или иного варианта решения и позволяют учитывать индивидуальные различия в ценности принятия решения для одного варианта.< ...> Одно и то же поведение может быть оценено как нейтральное или даже отталкивающее другим человеком с другим ценностным ландшафтом» [Brosch, Sander, 2015, с. 401].

Изучение ценностей эмпирическим путем

Одна из проблем исследования ценностей заключается в том, что непосредственные ответы людей на вопросы о ценностях могут дать нам банальный ответ, имеющие риторическую привлекательность, но не реальную мотивационную силу. «Материнство и яблочный пирог» (*Motherhood and Apple Pie*), как говорят англичане, или «Мир, радость, блинчик» (*Friede, Freude, Eierkuchen*), как говорят немцы, звучат очень позитивно, но вряд ли раскрывают внутренние мотивационные структуры. Если ценности воспринимаются как трюизмы, это имеет осложняющие последствия для исследований, посвященных им: могут ли они быть достаточно сильными, чтобы мотивировать действия и направлять решения? И могут ли они быть действительно описательными в том, что касается сложности внутренних чувств человека и дилемм, возникающих при выборе ценностей?

Барух Фишхофф комментирует различия, которые существуют между разными эмпирическими исследованиями ценностей. Он утверждает, что существует три основные конкурирующие парадигмы, которые лежат в основе такого рода исследований. Первую парадигму он называет философией артикулированных ценностей. Этот подход предполагает, что если есть четкие и значимые вопросы, то у испытуемых будут столь же четкие и значимые ответы. Другую Фишхофф называет парадигмой базовых ценностей. Предполагается, что людям действительно не хватает четких и сформулированных ценностей для большинства сфер жизни. Для аналитика это означает, что респонденты должны разложить вопрос на некоторое количество атрибутов, которые в совокупности могут повлиять (быть причинами для) на результат выбора респондента. Затем, вероятно, строится многоатрибутная функция полезности, которая выражает все виды компромиссов. Третья парадигма -- это, по сути, промежуточная позиция, называемая частичными перспективами. Согласно этой точке зрения, люди в целом не настолько плохо информированы о своих собственных ценностях, чтобы каждый раз начинать с нуля, но и не обязательно хорошо формулируют все возможные ценности. Предполагается, что люди имеют «стабильные ценности умеренной сложности, которые обеспечивают продвинутую отправную точку» [Fischhoff, 2000, 622] для решения сложных проблем реального мира. Джоссельсон [Josselson, 2004] утверждает, что разные точки зрения могут выполнять различные функции, ни одна из них не является более истинной, чем другие.

Изучение ценностей должно отражать цели исследования, и, вероятно, можно добиться большего, если при отборе данных учитывать преимущества и подводные камни сбора данных

в больших и малых объемах. Суть, однако, в том, что нужен этот эмпирический материал, чтобы построить надежную теорию ценностей. Нужны теория и данные, чтобы взаимно подкреплять друг друга и указывать путь к улучшению понимания сложного вопроса.

Можно ли получить больше информации о реальных ценностях, используя ту или иную форму подхода «обоснованной теории»? В рамках проекта «Устойчивая этическая торговля аквакультурой» (SEAT; см. seatglobal.eu) М. Кайзеру и группе из Бергена было поручено составить карту азиатских ценностей по отношению к аквакультуре, чтобы наметить этический ландшафт между Азией и европейскими потребителями. Группа разработала трехуровневый метод эмпирического исследования, который состоял из (1) опроса, (2) ряда качественных интервью, основанных на нарративах и сценариях, и (3) совещательного семинара, чтобы прийти к обдуманному и, возможно, консенсусным суждениям заинтересованных сторон. Результаты исследования оказались весьма информативными и заслуживающими внимания. Одним из важных выводов стало то, что этические ландшафты в четырех исследуемых странах существенно различаются по ранжированию ценностей. Несмотря на довольно грубый подход к ценностям, были получены интересные и относительно устойчивые результаты. Так, четко прослеживаются культурные различия, часто обусловленные религиозными традициями. Автор называет это контекстуальностью масштаба и охвата, подразумевая, что изменение масштаба и охвата исследования может привести к совершенно иному ранжированию ценностей.

Различия в ценностных ландшафтах согласуются с различиями, которые были обнаружены в выборе предпочтительных сценариев будущего, хотя точный результат этих предпочтений, конечно, не может быть предсказан на основе ценностей. Похожие результаты позже получила Мими Лам, которая использовала вариант метода картирования ценностей для случая конфликта по поводу промысла сельди между племенем хайда и федеральным правительством в Канаде. Интересным наблюдением является то, что в ее исследовании масштаб сложности был национальным, но область охвата была разделена на две различные культурные системы, коренную культуру хайда и западную культуру властей и промышленности [Pitcher, 2019, 341–364]. Из этого опыта можно сделать вывод, что тщательные и хорошо спланированные эмпирические исследования ценностных ландшафтов могут стать полезным вкладом в построение более полной и эмпирически адекватной теории ценностей. Одним из проблематичных допущений в ряде подходов к изучению ценностей является утверждение о том, что список всех ценностей конечен и универсален, в то время как в разных культурах и странах они могут присутствовать в различной степени. По меньшей мере, сомнительно, что это может служить подходящей отправной точкой для построения теории ценностей. Это должно быть скорее гипотезой, нуждающейся в эмпирической проверке и подтверждении.

Одним из краеугольных камней при построении эмпирической аксиологии должен быть ценностный плюрализм. Это подразумевает, что по крайней мере некоторые ценности не могут быть выражены через сведение к одной всеобъемлющей ценности. Данное предположение согласуется с большинством эмпирических исследований ценностей, проведенных к настоящему времени.

Сторонники ценностного плюрализма, по-видимому, подразумевают значительные качественные различия между парами ценностей. Это не обязательно должно означать принципиальную несопоставимость ценностей. Ценностные компромиссы имеют смысл только в том случае, если мы исходим из принципа ценностного плюрализма. Однако в абстрактном

смысле они могут быть просто несопоставимы. В абстрактном смысле не имеет смысла применять строгие критерии, например, к ценности здоровья, ценности благосостояния, ценности достойного труда, ценности хорошей еды и ценности прослушивания хорошей музыки. Но в конкретном контексте, когда нам предстоит сделать конкретный выбор, мы можем ранжировать их в соответствии с тем, как они влияют на нас в конкретном контексте. Например, если после более чем года пандемии нам придется решать, посетить ли публичный концерт или лучше соблюдать осторожность и избежать возможного заражения, мы можем поставить ценность здоровья ниже, чем желание снова услышать хорошую музыку.

Это подводит нас к еще одному краеугольному камню теории ценностей. Изучение ценностей должно быть чувствительным к контексту, и в разных контекстах они могут приобретать разную интенсивность. М. Кайзер называет это контекстуальностью цели, по сути, объясняющей, почему мы в первую очередь хотим выяснить ценности различных людей. При наличии определенной и явной цели исследования существует надежда представить людям достаточный контекст, чтобы они могли легче определить свои доминирующие ценности и придать им смысл. То, что люди понимают под абстрактными ценностями, такими как, например, человеческое достоинство, может легко претерпеть изменения при обсуждении будущего их профессии по сравнению, скажем, с мерами безопасности в аэропортах. Принятие этой точки зрения означает выбор второй или третьей парадигмы Б. Фишхоффа при исключении или ослаблении первой. Другими словами, при изменении контекста может происходить слишком много колебаний между ценностями, чтобы можно было зафиксировать те, которые имеют наибольшее значение. Однако, как только контекст определен, люди могут получить более четкое представление о своих ценностях в этом конкретном контексте.

Предположительно, существует еще одно ограничение на построение теории ценностей. Хотя кажется удобным обозначить ценности термином, не факт, что этот термин имеет фиксированное значение. В силу упомянутой выше контекстуальности цели могут возникнуть различные оттенки значения этого термина и неизбежная в данном случае двусмысленность. В качестве примера возьмем такой термин, как (личная) свобода. Этот термин активно обсуждался во время пандемии, и некоторые люди выдвигали требования защиты своей личной свободы от государственных ограничений, таких как ношение масок или лимитирование количества людей, которым разрешено встречаться дома. Свобода здесь понимается как отсутствие вмешательства государства в частное поведение, в том числе в социальное. Однако на такую свободу не ссылаются при вмешательстве государства, например, в регулировании дорожного движения, обязательстве ездить по правой стороне дороги или останавливаться на красный свет.

Ценностные ландшафты

В проекте под названием «Ландшафт и изобары европейских ценностей в отношении науки и новых технологий» (сокращенно -- «Изобары ценностей») М. Кайзер ввел метафору ценностного ландшафта в сочетании с идеей изобар ценностей. Грубо говоря, этот термин должен был означать, что речь идет о множестве ценностей, которые в принципе могут быть расположены по-разному по отношению друг к другу, и, кроме того, на этих ландшафтах можно выявить зоны общего давления (как изобары в метеорологии), которые, по сути, могут способствовать или препятствовать определенным инновациям. Одним из итоговых выводов проекта стало то, что все еще не существует надежной теории ценностей, а имеющиеся данные слишком слабы, чтобы делать достоверные прогнозы.

Ценностные ландшафты обозначают новый взгляд на таксономию и концепцию ценностей. Ранее философ Чарльз Тейлор использовал термин «моральные ландшафты» в качестве метафоры для упорядочивания и отображения морального опыта и взглядов на себя. Нейробиолог (и философ) Сэм Харрис опубликовал книгу под названием «Моральный ландшафт» [Харрис, 2015]. Брош и Сандер ввели понятие ценностного ландшафта как поля с холмами и впадинами, представляющими различные личные ценности и обеспечивающими «различные зоны притяжения и отталкивания» для различных вариантов выбора [Brosch, Sander, 401]. Шульц и др. использовали термин «ценностные ландшафты» в качестве концептуальной основы для определения ценностей на разных уровнях абстракции, имеющих значение для управления, в частности, водными ресурсами [Schulz, Martin-Ortega, 2018, 209–224]. Общее преимущество метафоры ценностных ландшафтов заключается в том, что она позволяет отразить сложность и контекстуальность фактически существующих ценностей с меж- и трансдисциплинарной точки зрения для целей управления (как включающего в себя государственную политику).

Из ранее проведенных исследований М. Кайзера можно сделать несколько выводов:

Ценности оживают в определенном контексте и ситуации выбора. Ценности-как-триюизмы не являются доминирующими, когда людям предоставляется конкретный контекст для исследования их ценностей.

При пересечении культурных границ и при исследовании ценностей могут обнаружиться некоторые ценности, которые обычно не входят в список западных ученых. Например, ценность политического лидерства была ярко выражена в некоторых странах Юго-Восточной Азии, в то время как в западных странах она практически отсутствовала.

Концепции ценностей нелегко перевести на другие культуры и языки, но если снабдить их краткими рассказами, а лучше даже иллюстрациями, изображающими ценности, то обычным людям будет легче участвовать в обсуждении ценностей (в том числе этических).

Ценности, или, скорее, ценностные ландшафты, не синхронизированы с этическими принципами, и между культурами возникают различия, не имеющие прямого отношения к ценностным ландшафтам. В то время как «проблемные» принципы (для западных правительств), например, «загрязнитель платит» или принцип предосторожности, были широко приняты в азиатских странах, где проходили исследования, другие, которые казались универсальными, не были приняты, такие как принцип справедливости или защиты животных. Таким образом, ценности и (моральные) принципы иногда не совпадают.

Связь между ценностями и предпочтениями, решениями или действиями весьма неопределенна, и хотя ценности -- в том виде, в каком они были представлены до сих пор, -- обычно выполняют роль оправдания, они редко предсказывают реальное поведение. В какой степени ценности выполняют мотивационную функцию, прямо или косвенно, остается неясным.

При рассмотрении видения будущего развития, например, на семинарах по разработке сценариев, ценности, по-видимому, выполняют важную функцию, в частности, при взвешивании нескольких вариантов и выдвижении аргументов «за» или «против» в ходе диалога. Это говорит о роли ценностей в управлении.

Учитывая этот опыт и текущее состояние соответствующей литературы, можно выделить некоторые краеугольные камни и исследовательские вопросы построения будущей теории ценностей.

Метафора ценностного ландшафта призвана передать следующий комплекс концептуальных идей: (1) ценности соотносятся друг с другом в терминах близости; (2) разные

ценности могут проявлять различную интенсивность (определяя пики ландшафта); (3) каждая ценность приобретает различные значения в зависимости от того, где она воспринимается (контекстуальность); (4) ценности обладают инерцией, но податливы во времени, особенно во взаимодействии с убеждениями. По сути, ценности в ценностных ландшафтах рассматриваются как многомерные сущности, в значительной степени зависящие от контекста использования.

Ценностные различия

Ценности могут вызывать различные аффективные состояния и ощущаться с разной интенсивностью. Иногда они также могут в разной степени служить основанием для действий. Достоинство и уважение человека по отношению к себе и другим людям в его окружении могут сопровождаться сильными чувствами, которые обусловлены культурными корнями или личным опытом. Во многих традиционных культурах уважение, очевидно, является ценностью номер один, преобладающей над автономией.

Широко признано, что ценности людей могут меняться со временем, как в индивидуальной, так и в социокультурной истории. То, что в ранних конституциях государств описывалось как справедливость или достоинство, изменилось настолько, что набор субъектов, подпадающих под этот юридический термин, значительно расширился: от мужчин до женщин, от белых людей до людей с другим цветом кожи и т. д. Аналогично и с защитой животных: только недавно люди осознали, насколько животные способны испытывать боль, и вселенная, защищаемая правилами защиты животных, была расширена за счет включения в нее, например, рыб и других позвоночных. Это позволяет сделать вывод о том, что личные ценности обладают определенной инерцией и устойчивы к краткосрочному опыту, но со временем тоже меняются и адаптируются к меняющейся среде. Метафорически эта особенность соотносится с медленным изменением в окружающих нас ландшафтах.

Задачи создания теории ценностей

Задача хорошей теории ценностей -- прояснить факторы, которые определяют различия. Такая теория должна предоставить нам инструменты для определения культурных различий в нашей аксиологической базе и дать индикаторы того, что возникает в отношении предрасположенности к определенным действиям и предпочтениям. В частности, она должна дать нам эмпирические средства, чтобы проверить, являются ли все ценности универсальными или нет, или какие из них являются таковыми, а какие нет. Важнейшей задачей теории ценностей должно быть предоставление учеными средств для оценки и диалога о возможном будущем общества.

Кроме того, она должна обеспечить нас необходимой связью с этическими принципами и установками, чтобы в итоге мы не обязательно пришли к оптимальному выбору стратегий будущего, а к удовлетворительному выбору, подчиняющемуся ограничениям, которые могут наложить на нас этические соображения. Общеизвестно, что наше нынешнее научно-техническое развитие очень чувствительно к этическим соображениям. Теория ценностей должна помочь разобраться с последними.

Академическое сообщество может помочь в разработке политики путем развития меж- и трансдисциплинарных исследований, основанных на новой модели теории ценностей, которая оперирует многомерной динамической концепцией последних, метафорически опирается на

картину ценностных ландшафтов и эмпирически подкреплена надежным тестированием и эмпирически обоснованными данными.

Необходимо объединить знания различных наук, включая все социальные науки, экономику, философию и гуманитарные науки. Также необходимо искать конкретные контексты и потенциальных пользователей для создания партнерств по внедрению ценностей в работу, включая альтернативные эпистемические и ценностные сообщества, представляющие, например, культуры коренных народов.

Предстоит разработать хорошую модель личных и социальных ценностей в соответствии с характеристиками многомерных ценностных ландшафтов, описанных выше. Необходимо прояснить связи с социальными явлениями и возможными эмпирическими данными, а также методологическими руководствами по получению и интерпретации этих данных. Сама модель должна быть подвергнута критическому тестированию и при необходимости изменена. В конце концов, нужно будет работать над переводом этих идей в политически значимые данные и варианты политики в свете человеческих ценностей.

Маттиас Кайзер заканчивает статью следующими словами: «Все это может показаться идеалистичным или футуристичным, учитывая нынешнее положение дел в академической, социальной и политической сферах. Но я бы утверждал, что мы либо серьезно отнесемся к нынешним разговорам о наших (европейских и других) ценностях и будем работать над тем, чтобы подкрепить их лучшими исследованиями, либо мы откажемся от разговоров о ценностях как проводниках нашего будущего и смиремся с апатией, оставляя ценности в сфере риторических инструментов, бессильных информировать и направлять действия и предпочтения людей. Последнее означало бы отказ от давней традиции понимания себя и своих действий как основанных на трех базовых ментальных состояниях, обозначенных в самом начале. Я призываю попытаться реформировать наши исследования и наши науки, прежде чем мы откажемся от нашей концепции самости».

В связи с этим следует отметить, что до сих пор значительные изменения в индивидуальной и социальной жизни европейской культуры происходили с распространением следующих ценностей, расположенных по триадам: истина -- добро -- красота; вера -- надежда -- любовь; свобода -- равенство -- братство. Несомненно, все они являются духовными ценностями. Первые три ценности послужили основой для греческой демократии, следующие три -- для развития христианских общин, а последние три ценности подчеркивают развитие современных международных отношений, где каждый народ и каждое государство имеют гарантированное право на свое существование и развитие, но при соблюдении прав личности. В связи с этим возникает вопрос -- какая триада ценностей была бы наиболее полезна для современных обществ? Безусловно, среди них должна присутствовать ценность солидарности. Помимо солидарности, следует выделить еще две ценности: человеческое достоинство и социальная справедливость. Таким образом, триада ценностей, которая могла бы стать основой развития современного общества, выглядит следующим образом: человеческое достоинство, справедливость, солидарность внутри каждого общества и в международном масштабе.

Достойный труд

Не подлежит сомнению, что смена ценностей является неизбежным процессом эволюции общества. Сложный процесс формирования и последующей смены тех или иных ценностей в обществе обусловлен множеством факторов: географическим положением, культурой,

изменением исторических и социально-экономических условий, сменой поколений, техническим прогрессом и т. д. На разных этапах развития общества отношение к тем или иным ценностям неизбежно претерпевает изменения. В одних странах это происходит быстрее, в других общепринятые ценности оказываются довольно устойчивыми. Рассмотрим это явление на примере такой глобальной ценности, как достойный труд. Труд составляет основу жизни любого общества. Именно он устанавливает неразрывную связь между отдельным человеком и социумом, помещает индивида в общественный контекст. Труд лежит в основе этой связи, и, следовательно, в основе существования и поддержания как личной, так и общественной жизни.

Сила фундаментальных принципов в сфере труда кроется в их соответствии основным философским и духовным установкам общества, которые не напрямую определяются конкретными условиями существования тех или иных его членов. По этой причине стремление общества обеспечить защиту всех работников и, по сути дела, способствовать социальному диалогу не должно сводиться к одним нормативным аспектам достойного труда, но соответствовать основным религиозным и философским системам, принятым в данном социуме. И наоборот, основные философские и духовные тенденции, господствующие в данном обществе, должны способствовать дальнейшему внедрению представлений о достойном труде и их реализации на практике.

Подобный взгляд на проблему может послужить основой обобщающего исследования, посвященного как сближению, так и расхождению традиционных философских и духовных ориентаций в сфере труда. Цель его не столько поиск консенсуса, сколько изучение того, как различные аспекты, связанные с понятием достойного труда, рассматриваются и решаются представителями разных философских и духовных традиций.

Преимущество подобного подхода заключается в учете интересов всех участников сферы труда. Он призван способствовать уменьшению опасений по поводу того, что ориентации, касающиеся самого труда и трудовых стандартов, определяются влиянием одних философских и духовных ориентаций в ущерб другим.

Утилитарный и неогуманистический подход

Прежде всего, следует назвать два основных способа разработки таких инструментов в зависимости от того, делается ли акцент на последствиях одобряемого поведения человека в сфере труда или на его намерениях. Первый вариант подхода основан на предположении о том, что правовые нормы не должны учитывать ранее существовавшие трансцендентные ценности. Их основная цель – заставить людей действовать таким образом, чтобы с наименьшими потерями обеспечить наивысшее общее благо в современном эмпирическом мире.

Подобная точка зрения, называемая «утилитарной», направлена на то, чтобы придать некоторую научную определенность вопросам, касающимся этики. Таким образом, те или иные действия подвергаются научной оценке, чтобы определить, какие из них окажут наибольшее положительное влияние на общество, измеряемое с точки зрения конкретных внутренних ценностей, таких как «удовольствие» (Джереми Бентам, 1748-1832), «счастье» (Джон Стюарт Милль, 1806-1873), «реальные идеалы», такие как свобода, знания, справедливость и красота (Джордж Мур, 1873-1958) или «предпочтения» (Кеннет Эрроу, 1921 – 2017, лауреат Нобелевской премии по экономике, 1972). Подобный практический подход распространен преимущественно в англосаксонских странах.

Альтернативный подход отражает концепцию, которая преобладает в культурах, основанных на трансцендентных ценностях. В данном случае ценности в области труда представляют собой конкретное воплощение трансцендентных ценностей, заложенных в философских, гуманистических, духовных или религиозных традициях, каждая из которых предлагает глобальный идеал в качестве ответа на вопрос: «Что такое осмысленная человеческая жизнь?» Эти традиции рассматривают нравственное поведение, скорее, с точки зрения намерений субъекта, стремящегося соблюдать трансцендентные принципы поведения, например, абсолютное уважение при существующему человеку достоинства или соблюдение обязанностей, присущих его касте.

При этом возникает вопрос о самом существовании универсальных ценностей, которые не противоречили бы местным ценностям, лежащим в основе местных культур. Эти культуры развиваются в соответствии с коллективным поведением представителей тех цивилизаций, которые в настоящее время сталкиваются с новыми глобальными вызовами и постоянными технологическими изменениями. В связи с этим возникает вопрос: не противоречат ли местные ценности универсальным или же различия во мнениях о смысле человеческого существования настолько велики, что окажутся непреодолимыми и приведут к неизбежному «столкновению цивилизаций».

Дискуссия по таким вопросам, как достойный труд до сих пор была связана в основном с «материальной парадигмой» -- заработной платой, продолжительностью рабочего дня, социальной защитой и т. д. Это, несомненно, важные параметры, однако человеческое существование также имеет нематериальное измерение. Несмотря на то, что человеку свойственны не только материальные, но и социальные, этические и духовные представления и потребности. Духовные основы труда, несмотря на их важное место в жизни общества, редко выдвигаются на первый план.

Нынешняя экономическая система основана на искаженных ценностях, сводящихся к количественным критериям. Труд становится фактором издержек, которые необходимо снизить. Таким образом, ценность человека, по сути, измеряется в рамках прибыли или в рамках потребления. Часто именно покупательная способность определяет интеграцию человека в общество или исключение из него. В своем эссе «На пороге растерянности» Мишель Уэльбек пишет: «У нас не просто рыночная экономика, а рыночное общество, то есть такая цивилизация, при которой вся совокупность человеческих взаимоотношений, а равным образом и вся совокупность отношений человека с миром подчинены подсчету, учитывающему такие категории, как внешняя привлекательность, новизна, соотношение цены и качества» [Уэльбек, 2002, с. 46]. Это означает, что базовые ценности, лежащие в основе рыночного процесса, стали доминирующими ценностями общества.

Критикуя вышеупомянутую материальную парадигму, некоторые исследователи предлагают другие подходы, начиная от «неогуманистической» парадигмы и заканчивая откровенно «холистической».

Часто звучащий аргумент сторонников так называемой «неогуманистической» парадигмы заключается в том, что любые предлагаемые извне универсальные ценности как правило не имеют отношения к региональному или национальному культурному контексту. Отсюда следует призыв сформулировать понятие «достойный труд» в качестве важнейшей отправной точки для построения новой, более сбалансированной системы ценностей. При этом следует иметь в виду, что представления о достойном труде в различных культурах гораздо шире традиционного подхода к труду как к одному из основных прав, таких как право на жизнь, свободу, образование или безопасность.

Конфликт ценностей. Диалог культур

Здесь следует привести несколько замечаний по поводу очевидного конфликта между ценностями, стоящими за нынешним процессом глобализации, и ценностями, лежащими в основе тех или иных культурных и духовных традиций.

В этой связи все больше исследователей в надежде обеспечить новые рамки для формирования общих базовых ценностей обращаются к традиционным духовным представлениям.

В рамках диалога между различными религиозными, духовными, экономическими и социальными группами невозможно избежать дебатов – на неизбежно противоречивых языках – о главных ценностях. Всем традиционным культурам присуще понимание того, что следует считать достойной жизнью. Таким образом, при решении общих проблем необходимо установить связь с понятиями, являющимися неотъемлемой частью тех или иных культурных и религиозных традиций. «Мягкие ценности» социальной справедливости, солидарности и заботы, сострадания и щедрости, глубоко укоренившиеся в различных традициях, должны заменить собой «жесткие» -- по сути, количественные и денежные -- ценности. То, что можно назвать этосом данного сообщества, передается через культурные формы жизни, и именно этот этос, в конечном счете, обеспечивает социальное единство. Те или иные концепции этоса, духовности, культуры и религии лишь описывают различные аспекты того, что можно считать основой жизни общества, выходящей за рамки чисто индивидуальных интересов. По этой причине было бы ошибкой рассматривать преимущественно религиозные и духовные ценности, выделяя их из гораздо более широкого и богатого комплекса культурных традиций, духовность которых проявляется в обычаях, образе жизни и так далее. В конечном счете, духовность – это то, что связывает нас с реальностью, выходящей за рамки нашего «я» и устанавливающей те связи, без которых человек как личности не мог бы существовать. Духовность выражается и передается по-разному, через различные формы поведения и языка, однако, в конечном счете, это та реальность, которую предстоит заново осознать и которая была намеренно исключена из конвенционального экономического и социального анализа.

Глобальная этика

В последнее время предпринимаются попытки сформулировать так называемую «глобальную этику», выделив из различных религиозных, философских и культурных традиций те основные ценности, которые представляются совместимыми друг с другом. Однако этого мало. В конечном счете такая этика будет представлять собой абстрактную формулировку этических принципов, которые навряд ли будут осознаваться людьми как нечто, имеющее непосредственное отношение к идеалам, в которых они укоренены.

Поиск «глобальной этики» – это, скорее, попытка сформулировать структуру, которая позволит связать между собой различные духовные и этические ценности. Она как бы предлагает герменевтические ключи, помогающие человеку перейти от одного универсума этического или ценностного дискурса к другому. Несмотря на то, что языки, на которых мы общаемся друг с другом, представляются на первый взгляд, абсолютно разными, а люди, живущие в одной языковой вселенной, -- неспособными общаться с людьми из другой, в мире существует возможность перевода с одного языка на другой; таким же образом дело обстоит с этическими, культурными и духовными мирами. Они не закрыты друг для друга, не являются

взаимоисключающими, и усилия по разработке системы основных ценностей призваны помочь установить связь между совершенно разными мирами, в которых мы живем.

Методология подобного исследования заключается в проведении аналогий между основами гуманистических, философских и духовных традиций с тем, чтобы закрепить эти ценности в сфере труда в различных социокультурных рамках.

Холистическая парадигма

Недостатком неогуманистической модели является то, что основной системой отсчета в ней по-прежнему остается материальная парадигма, но при этом проблемы, рассматриваемые в этой парадигме, имеют не только материальный характер. Некоторые из них по сути являются этическими, например, почему в одних странах множество людей страдает от голода, безработицы, бедности и социальной изоляции, тогда как в других царит изобилие, экономическое процветание и неумеренное потребление?

Холистическая модель предлагает учитывать не только материальные, но и духовные\трансцендентные потребности человека. Существует довольно распространенная точка зрения, согласно которой прежде всего должны удовлетворяться материальные потребности и лишь потом -- нематериальные. Разумеется, было бы заблуждением концентрироваться на духовных или этических аспектах труда, не признавая важности основных материальных аспектов. Удовлетворение основных потребностей, таких как еда, одежда, жилье, здоровье и безопасность, позволяет человеку в полной мере развивать этические и духовные аспекты своей жизни, о которых не стоит забывать. По этой причине предлагается квалифицировать эту альтернативную модель как «холистическую».

Таким образом, количество (материальное) и качество (материальное наряду с духовным) представлены как две стороны одной и той же человеческой реальности, а не как различные иерархические структуры.

Холистическая парадигма способна внести значительный вклад в дискуссию о ценности достойного труда. Каждый качественный фактор, имеющий отношение к достойному труду, должен быть основан на этических, моральных или религиозных ценностях. До сих пор признавались только некоторые из них и, как правило, только в рамках уважения к правам человека. Хотя такие общечеловеческие ценности, как порядочность, достоинство, равноправие, социальная справедливость, безопасность, возможность диалога, свобода и солидарность были включены в официальные заявления, мало что было сделано для определения и реализации этих ценностей. В материальной парадигме они, как правило, остаются только словами, но в холистической -- отражают состояние «бытия» (когда человек отождествляет себя с этими ценностями). Утверждение, что достойный труд необходим для достижения более высоких уровней человеческого достоинства, подразумевает, что достоинство есть не просто материальный аспект жизни, а состояние бытия, охватывающее человека в целом в его материальном, личном, семейном, моральном и духовном измерениях. Подобным же образом дело обстоит с понятием достойного труда: труд в холистической парадигме становится по-настоящему «достойным» лишь тогда, когда он служит средством самореализации человека, как в материальной, так и в духовной сфере.

Ниже приведены пять точек зрения на труд, которые разделяют почти все традиционные культуры:

1. Положительная оценка труда, основанная на божественном или этическом призвании к труду.

Ни в одной из традиционных культур нет уничижительного или негативного отношения к этому аспекту человеческой деятельности. Труд не рассматривается как неизбежное зло, наказание или унижение человека. Однако следует иметь в виду, что неверно истолкованная религиозная традиция может лежать в основе искаженной парадигмы труда. Это искажение подчеркивается в статье бразильского теолога Ванды Деифелт «Достойный труд: Бразильская рефлексия» [Deifelt, 2004, 54-55]. В ней утверждается, что социальные и экономическое неравенство в Латинской Америке уходит своими корнями в неверные представления о труде.

Одной социальной группе (коренному населению) необходимо было доказать свою состоятельность посредством труда, в то время как другая группа (европейцы и христиане) уже унаследовала свою человеческую ценность по праву рождения или вероисповедания. Это искажение основано на неверном понимании связи между трудом и его стоимостью: человек воспринимается в зависимости от того, что он в состоянии произвести, то есть ценность человека определяется его трудом. В основе этой точки зрения лежит дихотомия тела и души в западноевропейской культуре, с приоритетом души над телом, что приводит к принятию смягчающего вину или даже принудительного труда, так как благодаря ему «греховное тело» умерщвляется, возвышая душу. Труд представлялся средством преодоления греха в то время, как сам факт принадлежности к африканскому или коренному населению подразумевал греховность. Если человек трудился достаточно усердно, его ждала Божественная награда. Неполноценность женщин, в свою очередь, обосновывалась их «происхождением от Евы» (они были вторыми в порядке творения, но первыми согрешили). Это обрекало их на однообразную домашнюю работу, которая считалась низшей формой труда, что приводило к его негативной оценке как наказания.

Таким образом, в обществе возникло убеждение, что труд не облагораживает, а скорее лишает человека достоинства. Бразильская исследовательница полагает, что труд следует отделить от понятия наказания. Бог назначил мужчину и женщину хранителями Эдемского сада, а выполнение этих обязанностей предполагает способность к творческому преобразованию. Мужчина и женщина созданы как работники. Бог возложил на них ответственность и долг, следовательно, труд не наказание, а участие в Божественном созидании. Поэтому главная задача сейчас -- изменить культурное представление о труде, глубоко укоренившееся в странах Южной Америки.

Труд, являясь важным аспектом повседневной жизни, наделен глубоким позитивным и творческим измерением, которое в традиционных религиях обычно связано с Творцом.

В буддизме труд может быть определен как любой вид продуктивной деятельности, будь то физическая, интеллектуальная, художественная или духовная (например, медитация). В буддийской традиции большое внимание уделяется ценности труда, выполняемого каждым человеком, не исключая монахов. Таким образом, буддизм неверно воспринимать, как религию, чьи последователи проводят дни в «сонной медитации». Перед смертью Будда призвал учеников усердно трудиться.

Согласно иудео-христианской традиции, человек посредством труда призван раскрыть славу Божию во всем творении, что подчеркивает позитивную ценность труда. Более того, в соответствии с первоначальным божественным замыслом мужчина и женщина, как со-творцы несут ответственность за свой труд: «...наполняйте землю, и обладайте ею» [Быт.1:28]. Подобным же образом в индуизме труд понимается как долг человека и средство, с помощью которого он демонстрирует свою верность Богу.

Позитивная оценка труда основана на идее, которую открыто разделяют христиане, иудеи и индуисты: Бог, или Творец, являет собой архетип работника. Именно благодаря труду проявляется Божественная Любовь. Трудится сам Бог, и труд человека -- не последствие грехопадения, он служит продолжением Божественной деятельности.

Здесь следует отметить, что в Исламе человеческий труд человека не воспринимается как продолжение божественной созидательной деятельности или соучастие в ней, так как человек не может быть сотворцом и соработником Всевышнего из-за Его абсолютной трансцендентности.

Таким образом, основные духовные традиции признают достоинство и благородство труда, которые лежат в основе человеческой природы. В исламе труд (в отличие от ростовщичества) является единственным законным способом приобретения богатства и собственности. В буддизме ашрам -- это место, где каждый трудится и где господствует представление о достоинстве любого труда. Фактически везде упорный труд рассматривался как добродетель.

2. Труд как фундаментальное проявление присущего человеку достоинства, имеющего как духовное, так и материальное измерение.

Во всех основных духовных традициях трудовая деятельность как ценность выходит за рамки простого выживания, она должна приносить удовлетворение и возвышать работника. Согласно холистической парадигме, человек понимается как глобальная совокупность материальных, социальных, психологических и духовных потребностей, и поэтому достойный труд должен полностью соответствовать ожиданиям работника на всех этих уровнях. Подобный труд позволяет человеку реализовать себя как «полноценного человека», позволяет проявить и развить свои навыки, свою индивидуальность, мудрость и потенциал, а также – по выбору – создать семью, дать образование детям, принимать участие в общественной жизни. В этом смысле труд нельзя приравнивать к капиталу или земельной собственности. Так, Кальвин, основываясь на послании Св. Павла к Фессалоникийцам, осуждал живущих на нетрудовые доходы и приветствовал все формы труда (в том числе работу по дому и на производстве).

Таким образом, достойный труд является средством самосовершенствования и прогресса в глобальном контексте, благодаря которому человек реализует свое жизненное призвание. Посредством труда люди чтут способности и таланты, дарованные им Создателем, и каждый человек как их распорядитель призван реализовать свои скрытые навыки и склонности. В различных христианских традициях человек призван трудиться, стремясь стать «образом и подобием Бога». Концепция самосовершенствования подчеркивается и в конфуцианской традиции, согласно которой моральная задача каждого человека постоянно работать над собой, чтобы позволить расцвести росткам врожденного нравственного потенциала.

Большинство традиций утверждают, что устройство нашей жизни достигается не только нашими собственными усилиями, но и принимается в дар от Бога/Божественного начала/Трансцендентного. В иудейской и христианской традициях шаббат или воскресенье означают перерыв в работе и являются одной из главных заповедей; отсюда следует, что человеческая жизнь посвящена не только труду.

Человек -- субъект труда, то есть все его действия, включая труд, должны служить реализации его человеческих качеств. «В понятии “субъект труда” подчеркивается роль человека как инициатора активности, зачинателя, творца в его отношениях к противостоящим ему: объектам предметной и социальной среды, внутреннего (душевного) и внешнего мира. Такое понимание соответствует трактовке психики как активного начала» [Климов, 1998, с. 159]. В этом смысле все главные традиции придерживаются так называемого субъектного аспекта труда. Эта концепция подразумевает, что человек как субъект труда не должен быть

подчинен труду или капиталу. Человеческий труд, таким образом, не должен сводиться к его материальному результату (объективному измерению труда) и рассматриваться как товар или просто фактор производства. Это означает, что человеческое достоинство присуще каждому человеку и предшествует труду – в действительности, труд призван особенно ярко проявить наше достоинство. Не следует переоценивать труд, рассматривая его как абсолютный источник человеческого достоинства, в противном случае мы впадаем в искаженную парадигму, согласно которой ценность или достоинство человека должны быть заработаны трудом и пропорциональны производительности, уровню, типу, результату или успеху труда. Подобные взгляды еще не так давно процветали в рамках протестантской этики: на протестантских могилах можно было прочесть: «Труд был его жизнью»; попрошайничество запрещалось, и людей против воли отправляли на принудительные работы.

Примат личности над трудом следует понимать в том смысле, что ценность человека предшествует роду выполняемой им работы и не зависит от нее.

3. Социальное измерение труда

Не вызывает сомнений, что труд человека естественным образом связан с трудом других людей. Труд составляет основу отношения отдельного человека с обществом, а значит и основу жизни общества. Человек работает не только для себя, но и для других: для своей семьи, для общества, государства и всего человечества. В этом отношении труд способствует общественной интеграции человека. Согласно кальвинистской этике, семья или община находятся в гармоничных отношениях лишь тогда, когда их члены работают вместе и друг для друга. Община, которая трудится, с большей вероятностью будет мирной, а сообщество, в котором не хватает работы, представляет собой угрозу.

Традиционно труд имеет социальное измерение, общество обогащается, благодаря творческому вкладу своих членов. Труд -- нечто большее, чем просто индивидуальный способ получения средств к существованию или способ самореализации. По сути дела, самореализация противоположна эгоцентризму: люди по-настоящему реализуют себя только как члены сообщества, в отношениях с другими. Труд является созидающей силой в человеческих отношениях на всех уровнях. Христианские, буддийские, иудейские, конфуцианские и мусульманские традиции признают, что труд не должен быть фактором, который изолирует и отделяет людей друг от друга.

Например, буддизм квалифицирует труд в условиях кастовой принадлежности как фактор, разделяющий общество. Однако как способ развития навыков и талантов специализация рабочей силы является приемлемой и законной (например, статус мирянина или монаха, выбранный на основе темперамента и способностей). В индуизме труд также рассматривается с точки зрения построения сообщества. Таким образом, кастовая система, несмотря на широкую критику, изначально служила организующим и структурирующим принципом в сообществе, основанном на индуистском понимании реинкарнации, а трудовой договор понимался как религиозные отношения между членами различных каст.

Человек находится в центре общественных взаимоотношений и несет ответственность перед всеми, кто его окружает. Исламская концепция уммы, или сообщества, подчеркивает, что все мусульмане – братья, которые равны, и что любая деятельность, осуществляемая группой, ценится выше той же деятельности, осуществляемой в одиночку. Эта концепция также подчеркивает взаимодополняемость различных видов труда и различных ролей в сообществе. Этически правильный труд способствует процветанию общины (примером служит обязанность мусульман жертвовать на благотворительность).

Даже конфуцианская традиция, подчеркивающая важную роль самосовершенствования, утверждает, что последнее тесно связано с улучшением отношений с другими людьми и личным вкладом в общество в целом. Таким образом, любой вид работы необходимо рассматривать как потенциально важный вклад в благополучие общества и мира как экологической системы.

4. Трансцендентное измерение труда

Труд понимается не только как светская деятельность с девяти до пяти, имеющая денежное выражение, но должен рассматриваться как средство достижения более высокой цели, достигаемой с помощью последовательных усилий. В иудео-христианской традиции мужчины и женщины являются распорядителями Божественного творения и сотворцами, призванными воплощать Его замысел в жизнь посредством своего труда. Евангельская весть Иисуса Христа призывает каждого человека трудиться ради пришествия Царства Божьего.

В буддийской традиции долгосрочный труд направлен на формирование глобального человеческого сообщества посредством действий, совершаемых из любви. Он известен как труд солидарности или сострадания, охватывающий всю вселенную. Конечной целью такого труда является нирвана, трансцендентное благо, на достижение которого должны быть направлены все человеческие действия.

Таким образом, в буддизме труд имеет явно трансцендентную цель, и эта концепция явно отличается от теистических религий тем, что императив труда не основан на роли человека как хозяина и распорядителя всего сотворенного мира. Более того, в отличие от теистических религий, трансцендентность в буддизме связана с межчеловеческими отношениями. Бодхисаттвы изображаются неустанно работающими над достижением цели космического просветления для всех существ. Подобным же образом природа рассматривается как матрица, из которой возникает человек, связанный с другими формами жизни, а не просто как сырье, как материал, которому придается форма в соответствии с его потребностями человека.

Здесь снова возникает холистическая парадигма достойного труда. Различные традиции критикуют нынешнюю глобальную, неолиберальную, экономическую, материальную парадигму потребительства и рыночной экономики, в которой прибыль, капитал и богатство ставятся выше человека. Именно эта односторонняя материалистическая парадигма в конечном счете приводит к отчуждению, эксплуатации и дискриминации больших групп населения. Рынок важен, но он остается инструментом, подчиненным человеческому достоинству и качеству жизни (приоритет человека над капиталом), а также тому, каким образом с помощью социального взаимодействия люди создают благополучие, стабильность и мир для себя и других (приоритет общего блага над капиталом).

Способы реализации универсальных принципов определяются ситуацией в каждом конкретном обществе. Тот или иной подход должен быть адаптирован к местным, культурным, экономическим и социальным привычкам, традициям и системам ценностей, которые обусловлены различными представлениями и ожиданиями, зависящими от культурных и социально-экономических условий. Попытка создания глобальной этики, основанной на совместимых основных ценностях, является, разумеется, только первым шагом в данном направлении. Это минимальная основа, каркас, который позволяет связать различные традиции и осознать, что они не являются взаимоисключающими.

5. Поддержка этической составляющей труда в разных культурах

Представления людей о достойном труде приводят нас к общему знаменателю, согласно которому труд во всех обществах имеет этический аспект. Этическую составляющую можно определить как ответственность и преданность отдельных людей и сообществ своей работе и

другим людям на рабочем месте, в семье, сообществе или обществе в целом. Она тесно связана с личным, субъективным и социальным аспектом труда, который является мостом между индивидом и обществом. Так, Доменик Заксенмайер, китаист, декан факультета гуманитарных наук Геттингенского университета, пишет: «Конфуцианство является типичным примером этической традиции, стремящейся улучшить условия жизни человека, в меньшей степени с помощью подхода, основанного на правах и законах, и в большей степени -- с упором на ответственность человека» [Sachsenmaier, 2004, P.84].

Прежде всего, конфуцианец несет ответственность за поддержание личного достоинства и самоуважения. Но также он несет ответственность и за других, и можно ожидать, что он будет рассматривать труд не только как благо для себя, но и как благо для других.

В иудейской традиции аспект освящения труда указывает на значимость ответственности перед Творцом, когда каждый человек рассматривает другого как одного из себе подобных. Еврейский раввин Гилель Старший сказал: «Не делай ближнему твоему того, что ненавистно тебе». Это означает, что все считаются равными – никто не может быть рабом другого. Этот принцип должен лежать в основе отношений между работодателями и работниками. В иудейской и христианской традициях труд считается моральным обязательством. В частности, кальвинисты говорят о добродетели трудолюбия как о нравственной привычке, благодаря которой человек обретает добродетель. В других традициях указывается на то, чтобы «позволить расцвести росткам врожденного нравственного потенциала» (конфуцианство) или «усердно и добросовестно трудиться» (буддизм).

Различные духовные традиции особо выделяют такие ценности, как наличие жизненной миссии и личной ответственности перед обществом в целом. Например, в конфуцианстве принцип лидерства сфокусирован на социальных обязательствах и политической, этической ориентации, направлен на воспитание морального сознания и чувства ответственности у представителей элиты (интеллектуалов и ученых), чтобы те использовали свой авторитет и личную харизму для просвещения людей и получения ими достойной работы, позволяющей развить свой собственный потенциал. Социальную этику мусульман характеризует создание в каждой общине благотворительного фонда, в который каждый обязан вносить свой вклад. Различие между законным и незаконным проводится именно с точки зрения воздействия на общество (например, запрет на ростовщичество гарантирует получение прибыли только за счет инвестирования денег и разделения рисков).

Во всех традициях отмечается существование неподобающих, недопустимых методов и условий труда, а также неудовлетворенных трудовых устремлений. Для многих людей труд по-прежнему остается ежедневным опытом, унижающим человеческое достоинство. Он может быть превращен в средство наказания посредством принуждения, угнетения или эксплуатации, когда человек становится простым орудием или товаром и подвергается физическому или духовному насилию.

Разработка основ глобальной межконфессиональной или межкультурной этики поможет установить коммуникационные связи между совершенно разными культурными, религиозными и духовными мирами, в которых укоренено человечество.

Показатели, основанные на ценностях и духовности

Безусловно, окончательная разработка всеобъемлющих, общепризнанных и поддающихся оценке духовных ценностей, сложная задача, однако такие ориентиры, как представляется,

способны обеспечить надежный компас, руководствуясь которым можно было бы наметить основные направления исследований.

На самом деле, в этом отношении уже наблюдается довольно значительное сближение взглядов и первые признаки появления глобальной этики, основанной на наборе общепринятых ценностей, к которым можно отнести такие моральные качества, как доверие, справедливость, уважение, непредвзятое отношение к людям, ответственность, солидарность и честность. Такие ценности лежат в основе общих представлений о достойном труде.

В процессе решения проблем, с которыми сталкиваются общества во всем мире, растет осознание того, что эти решения не могут быть получены только за счет экономического роста. Хотя экономический рост, несомненно, является ключевым фактором в процессе достижения справедливого и устойчивого социального развития, он должен сопровождаться более широкой повесткой дня, в которой человеческое достоинство ставится выше количественных показателей прогресса. На нынешнем этапе глобализации, в процессе слияния экономик, нередко возникают угрозы благополучию самых уязвимых групп населения, которые по разным причинам не могут быстро интегрироваться в мировой рынок.

Процесс экономической глобализации не только неравноправен, но и потенциально угрожает уникальным социальным и экологическим основам нашего мира. Несмотря на всю его сложность, мы начинаем становиться свидетелями все более острой реакции на эту угрозу и растущего признания значимости этического аспекта в определении курса развития человечества. Для многих этот этический аспект уходит корнями в религиозное наследие, которое многие общества наследовали на протяжении веков. Хотя рассуждения о правах человека могут послужить ценным стимулом для поощрения человеческого достоинства для всех, можно также утверждать, что религиозные традиции обществ также закрепляют и поддерживают человечность. Поэтому для всех обществ важно задуматься над этими традиционными религиозными и культурными ценностями. Эти традиции часто соотносятся с этическим аспектом международного правозащитного дискурса, который, в свою очередь, должен определять направление глобальных усилий в области развития.

В различных культурах понятие труда рассматривается и интерпретируется в зависимости от его уникальных характеристик. К примеру, труд воспринимается как средство поддержания своего дохода и уровня жизни; средство самовыражения, творчества и самореализации; средство утверждения идентичности, индивидуальности и коллективности; а также как инструмент социального упорядочения.

Расширение тематики прав человека

Дискуссия о правах человека расширилась и включает в себя как экономические, так и культурные права, что свидетельствует о том, что право на сохранение своей культурной самобытности становится таким же общепринятым, как более старые и широко известные права гражданской и политической свободы. Вместе с этими правами “второго и третьего поколения” предпринимается попытка разработать универсальные стандарты того, что можно считать международно приемлемым на рабочем месте при соблюдении прав личности и сообщества.

Тем не менее, растущая бедность, безработица, общая напряженность и потрясения, с которыми сталкиваются сегодня общества по всему миру, все больше затрудняют достижение людьми достойного уровня жизни. Были предприняты значительные международные усилия по созданию правовых и других рамок, способствующих равноправному распределению активов,

ресурсов и материальных благ. Однако, несмотря на такие усилия, стандарты, которые считаются применимыми ко всем людям, по-прежнему соблюдаются далеко не всеми.

Всеобщие права и местная этика: в поисках точек соприкосновения

В ходе решения проблем, с которыми сталкиваются общества во всем мире, растет осознание того, что решения не могут быть получены только за счет экономического роста. Хотя экономический рост, несомненно, является ключевым фактором в процессе достижения справедливого и устойчивого социального развития, он должен сопровождаться более широкой повесткой дня, в которой человеческое достоинство ставится выше количественных показателей прогресса. На нынешнем этапе глобализации, на фоне слияния экономик и либерализации рынков, возникает угроза благополучию уязвимых групп населения во всем мире. Хотя глобальная экономика предлагает бесчисленные возможности для создания рабочих мест и расширения рынков, она угрожает старому образу жизни и средствам к существованию многих людей, которые по разным причинам не могут быстро интегрироваться в мировой рынок.

Хотя «универсальность» прав человека может оспариваться на основании евроцентричного происхождения этих прав, этические ценности – это именно то, на что могут претендовать все культуры, хотя и каждая по-своему. Таким образом, попытка осмыслить и поддержать эти общие этические принципы представляется заслуживающей внимания. Противоречивый и зачастую контрпродуктивный характер дискуссий, связанных с универсальными правами человека, в действительности может быть обусловлен внутренней коллективной оценкой собственных этических ценностей, поскольку те могут способствовать соблюдению прав отдельных лиц и сообществ.

Роль традиционных ценностей в эпоху глобализации

Стремление к устойчивому развитию человеческого потенциала, несомненно, связано с получением доступа к целому ряду активов и привилегий как отдельными людьми, так и сообществами. В настоящее время исследователи уделяют все больше внимания нематериальным активам общества. Другими словами, на уровень жизни людей влияет не только финансовый, физический и природный, но и социальный и человеческий капитал, которым они могут пользоваться или которого они могут быть лишены. Подходы к обеспечению устойчивых средств к существованию, применяемые в настоящее время во многих стратегиях борьбы с бедностью, прямо признают нормативную, культурную и традиционную динамику, которая действует в обществах и может как способствовать, так и препятствовать осуществлению прав его членов.

Что касается исламских обществ, то нередко бытует мнение, что традиционные религиозные практики и взгляды дискриминируют женщин и ограничивают их роль в общественной жизни. Как таковые, эти конкретные толкования и применения исламской веры могут рассматриваться как противоречащие стандартам равенства, закрепленным в рамках международных норм в области прав человека.

При этом важно отметить, что в исламском и даже в арабском обществах существуют совершенно разные интерпретации одинаковых религиозных догм. С одной стороны, можно обнаружить, что последние нередко используются в противоречивых целях, и это позволяет

заклучить, что истоки подобных взглядов коренятся не только в каких-либо религиозных предписаниях, но и в самом социуме. С другой стороны, религиозные и традиционные ценности играют жизненно важную роль в обеспечении систем социальной защиты, а также общего чувства ответственности членов общества друг перед другом.

Позитивные и негативные последствия глобализации на местном уровне: Призыв к пересмотру

Хотя жизненно важно поднимать вопрос о внедрении ценности достойного труда как о цели в области развития, важно также отметить, что необходимость зарабатывать себе на жизнь может заставить человека отказаться от определенных стандартов ради заработка. Глобализация и свободная торговля нередко приводят к дискриминации незащищенных групп населения, нарушающей их права и человеческое достоинство. Часто эти группы не осведомлены о своих правах и привилегиях и могут чувствовать себя не в состоянии обеспечить соблюдение этих прав. У них нет гарантий трудоустройства, они страдают от низкой заработной платы и минимальных льгот, если таковые вообще имеются. Они сталкиваются с угрозами не только со стороны своих работодателей, часто в виде иностранных компаний, но и со стороны существующей социальной и религиозной среды, которая их окружает.

Заключение. Проблемы и препятствия на пути к достижению поставленных целей

Проблемы и препятствия на пути к воплощению в жизнь ценностей достойного труда повсюду многочисленны. Как уже объяснялось, они возникают как внутри самого общества, которое неизбежно склонно придерживаться своих культурных и религиозных традиций, так и из-за требований глобальной экономики. Радикальные действия, которые в прошлом привели к значительному улучшению положения в сфере труда в промышленно развитых странах, трудно повторить в развивающихся обществах, где зачастую существует огромное внутреннее и внешнее давление с целью сохранения стабильности, часто в ущерб демократическому процессу.

Однако опыт разных стран показал, что даже самые спорные вопросы могут быть конструктивно решены посредством диалога и участия. Гражданское общество, привлекая религиозные организации и лидеров общественного мнения, оказало заметное влияние на решение проблем роста численности населения. Однако международное сообщество также должно признать свою ответственность за поддержку и продвижение политических и экономических условий, способствующих равноправному и устойчивому росту в мире. Двойные стандарты, которые мы слишком часто наблюдаем, являются препятствием для любого по-настоящему глобального сотрудничества.

Важно, чтобы в этом процессе участвовали все заинтересованные стороны. Поскольку угрозы продолжают усиливаться и омрачать наше глобальное будущее, нам потребуется приложить больше усилий для разработки основ взаимопонимания. Для достижения этой цели, по-видимому, необходимо, чтобы общество не только прислушивалось к голосам своих собственных этических норм и принципов, но и делилось ими с миром. Делиться только лучшим из того, что есть у нас. Ничего другого нам не остается.

Библиография

1. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Юнити, 1998. 349 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. Ю. Антоновского https://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt_with-big-pictures.html
3. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
4. Уэльбек М. На пороге растерянности / Пер. Н. Кулиш // Иностранная литература. 2002, № 3. С. 45-56.
5. Харрис С. Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей. М.: Карьера Пресс, – 2015. – 336 с.
6. Brosch T., Sander D. (eds). Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology. Oxford: University Press, 2015. P. 432.
7. Brosch T., Sander D. From values to valuation: an interdisciplinary approach to the study of value. In: Brosch T, Sander D (eds). Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology. Oxford: Oxford University Press, 2015. Pp. 1-13.
8. Deifelt W. Decent Work: A Brazilian reflection // Philosophical and Spiritual Perspectives on Decent Work / Peccoud D. (ed.). Geneva: ILO, 2004. 173 p.
9. Fischhoff B. Value elicitation. Is there anything in there? In: Choice, values, and frames. D Kahneman, A Tversky (eds). Russel Sage Foundation. New York, Cambridge, UK.: Cambridge University Press, 2000. pp. 620-641.
10. Hartman R.S. The Structure of Value. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1967. P. 384.
11. Hartman R.S. The knowledge of Good – Critique of Axiological Reason. Brill Academic Pub, 2002. P. 484.
12. Hartman R.S. The structure of value: foundations of scientific axiology. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Publishers. 2011. P. 404.
13. Josselson R. The hermeneutics of faith and the hermeneutics of suspicion // Narrative Inquiry, 2004, 14 (1). PP. 1–28.
14. Kaiser M. The idea of a theory of values and the metaphor of value-landscapes // Humanities and Social Communication, 11(1). PP.1-10. <https://www.nature.com/articles/s41599-024-02749-4#auth-Matthias-Kaiser-Aff1>
15. Pitcher T. J., Surma S., Scott J., Kaiser M., White A.S., Pakhomov E.A., Ward L.M. Value-and ecosystem-based management approach: the Pacific herring fishery conflict // Marine Ecology Progress Series. 2019617, PP. 341–364.
16. Sachsenmaier D. Decent Work: A Confucian perspective // Philosophical and Spiritual Perspectives on Decent Work / Peccoud D. (ed.). Geneva: ILO, 2004. 173 p.
17. Schulz C., Martin-Ortega J., Glenk K. Value landscapes and their impact on public water policy preferences. Global Environmental Change. 2018, 53. PP. 209–224.

On the Cultural Conditionality and Potential Variability of Social Values

Nataliya G. Krotovskaya

Research Fellow,
Sector of the History of Anthropological Studies,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Valentina S. Kulagina-Yartseva

Research Fellow,
Sector of the History of Anthropological Studies,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yartseva41@mail.ru

Abstract

As an independent philosophical science, axiology emerged only at the end of the nineteenth century. According to M. Heidegger, F. Nietzsche's philosophy played a decisive role in establishing the place of value consciousness in culture. Values determine the qualitative characteristics of a given society and its cultural specificity. Each new generation inherits the legacy of previous generations and adds something new to it, but in accordance with the already established values. The first part of the article examines the views of contemporary scholars (R.S. Hartman, M. Kaiser, etc.) on the features and tasks of the science of values. The second part is devoted to the consideration of such a global value as decent work and the transformation of attitudes towards it at different stages of societal development. Fundamental principles in the sphere of labor always correspond to the spiritual attitudes of society. The implementation of these principles should not be reduced to normative aspects but should align with the society's basic ideas. Such an approach could serve as a basis for research focused not so much on achieving consensus as on studying how various aspects of the concept of "decent work" are perceived by representatives of different traditions. The obstacles to realizing the value of decent work are numerous. They arise both within society itself, which tends to adhere to its cultural attitudes, and due to the demands of the global economy. However, the experience of different countries shows that even the most contentious issues are resolved through dialogue and participation. It is desirable for society not only to listen to its ethical norms but also to share them with the world.

For citation

Krotovskaya N.G., Kulagina-Yartseva V.S. (2025) K voprosu o kul'turnoy obuslovlennosti i potentsial'noy izmenchivosti sotsial'nykh tselestey [On the Cultural Conditionality and Potential Variability of Social Values]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (7A), pp. 183-210.

Keywords

Value theory, value profile, value landscapes, empirical research, cultural differences, decent work, traditional values, global ethics, value conflict, holistic approach.

References

1. Brosch T., Sander D. (eds) (2015) Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology. Oxford University Press, Oxford, P. 432.
2. Brosch T., Sander D. (2015) From values to valuation: an interdisciplinary approach to the study of value. In: Brosch T., Sander D. (eds) Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology. Oxford: Oxford University Press. PP. 1-13.
3. Deifelt W. (2004) Decent Work: A Brazilian reflection. In: Philosophical and Spiritual Perspectives on Decent Work / Peccoud D. (ed.). Geneva: ILO. 173 p.
4. Fischhoff B. (2000) Value elicitation. Is there anything in there? Choice, values, and frames. D. Kahneman, A. Tversky (eds). Russel Sage Foundation, New York, Cambridge, UK: Cambridge University Press. PP. 620-641.
5. Heidegger M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya*. [Time and Being: Articles and Speeches] translated by Bibikhin V. M.: Respublika Publ. 447 p.
6. Harris S. (2011) *The Moral Landscape: How Science Can Determine Human Values*. N.Y.: Free Press. 320 p.
7. Hartman R.S. (2002) *The knowledge of Good – Critique of Axiological Reason*, Brill Academic Pub., P. 484.
8. Hartman R.S. (2011) *The structure of value: foundations of scientific axiology*. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Publishers, P. 404.
9. Hartman R.S. (1967) *The Structure of Value*. Carbondale: Southern Illinois University Press, P. 384.
10. Josselson R. (2004) The hermeneutics of faith and the hermeneutics of suspicion. *Narrative Inquiry*. 14(1). PP. 1–28.

11. Kaiser M. (2024) The idea of a theory of values and the metaphor of value-landscapes // *Humanities and Social Communication*, 11(1). PP.1-10. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41599-024-02749-4#auth-Matthias-Kaiser-Aff1>
12. Klimov E. A. *Vvedenie v psihologiyu truda* [Introduction to the psychology of work]. M.: Yuniti, 1998. 349 p.
13. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra*. [Thus Spoke Zarathustra] translated by Yu. Antonovsky. Available at: https://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt_with-big-pictures.html
14. Pitcher T.J., Surma S., Scott J., Kaiser M., White A.S., Pakhomov E.A., Ward L.M. (2019) Value-and ecosystem-based management approach: the Pacific herring fishery conflict // *Marine Ecology Progress Series* 617. PP. 341–364.
15. Sachsenmaier D. (2004) *Decent Work: A Confucian perspective*. In: *Philosophical and Spiritual Perspectives on Decent Work* / Peccoud D. (ed.). Geneva: ILO. 173 p.
16. Schulz C., Martin-Ortega J. (2018) Value landscapes and their impact on public water policy preferences. *Global Environmental Change* 53, PP. 209–224.
17. Houellebecq M. *Na poroge rasteryannosti* [On the verge of confusion] / trans. N. Kulish // *Inostrannaya Literatura*. 2002, № 3. PP. 45-56.